

СЕДОЙ ЗАЩИТНИК ТРЕПЛЕВА

Автор: Ольга Канискина

МУДРЕЦ
С МИРООЩУЩЕНИЕМ
ХИППИ, С ОБРАЗОВАНИЕМ
ХУДОЖНИКА
И КИНОРЕЖИССЕРА, С ТЯГОЙ
К РОМАННОМУ ДЫХАНИЮ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМ
ВОПРОСАМ НА СЦЕНЕ.
КРИСТИАН ЛЮПА
— ЕВРОПЕЙСКИЙ
МЭТР И ЖИВОЙ
КЛАССИК, УЧЕНИКИ
КОТОРОГО (ГЖЕГОЖ
ЯЖИНА, КШИШТОФ
ВАРЛИКОВСКИЙ) УЖЕ САМИ
СТАЛИ КЛАССИКАМИ.
МЫСЛИ ЛЮПЫ — О МЕТОДЕ
БОЛЕВОЙ ТОЧКИ (НИЧТО ТАК
НЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ ПОВЕДЕНИЕ
ПЕРСОНАЖА, КАК ТО,
ЧТО ПОСТОЯННО У НЕГО
СВЕРБИТ), О «ПОДВЕШЕННОМ
ЧЕЛОВЕКЕ» (ИСКУССТВО
ИНТЕРЕСУЕТ ТЕКУЧЕСТЬ
ВНУТРЕННЕГО СОСТОЯНИЯ
ЧЕЛОВЕКА, А НЕ ЕГО МАСКИ)
И МНОГИЕ ДРУГИЕ —
ОКАЗАЛИ СИЛЬНЕЙШЕЕ
ВЛИЯНИЕ НА ЕГО КОЛЛЕГ.

В молодости Люпа любил писать театральные манифесты, вроде манифеста зависшего театра или театра протяженности. Привычка к письму, стимулирующему мысль, осталась на всю жизнь – так родились книги «Лабиринт», «Утопия и ее обитатели», «Утопия-2», «Подглядывание», «Путешествие в сторону Неведомого».

Искатель новых форм до сих пор жив в его душе, хотя меньше всего Люпу, мастера масштабных театральных полифоний, хочется называть формалистом. На седьмом десятке поставил «Чайку» в Александринке (в редакции 1896 года из архивов театра), открыто встав на защиту Кости Треплева, которого Люпа оставил жить. Молодой художник, которого так трепетно сыграл Олег Еремин, был «убит» или морально изувечен гораздо раньше своего самоубийства (во время провала его пьесы). Все последующие события, включая пришедший писательский успех, – события жизни после смерти.

Опасно «ранена» была и Нина (Юлия Марченко), чайка с подстреленными в полете

«Фабрика-2» воссоздает среду, выразителем которой стал Энди Уорхол – псевдохудожник с сумасшедшей славой.

крыльями. Но воды «колдовского озера» – личный опыт, полный страданий, – дали ей то, без чего не может состояться настоящий творец. «J'arrive a la ville» (я возвращаюсь в город, где живет мое прошлое) – эта песня тибетской канадки Лхара звучит вместо финального «Константин Гаврилыч застрелился». И город принимает Нину и Костю.

Мнение Люпы, что театр – это уникальная возможность самопознания и совершенствования человеческой личности, тяга к бедному театру, роднит его с Ежи Гротовским. Интерес к пограничным состояниям человеческого бытия привел Люпу к творчеству Пшибышевского, Ведекинда, Андреева, Выспанского, Гомбровича, Виткевича. Своеобразным итогом многочисленных вылазок в сферу подсознательного стал спектакль «Семь снов в царстве Сна» по роману Альфреда Кубина «На другой стороне». Все чаще именно роман становится идеальным материалом для такого режиссера, как Люпа.

Со временем Люпу начинают все больше интересоваться не только подсознание и внутренний мир человека, но и столкновение человека с миром (особенно в «его минуты

Репетируя «Фабрику-2», Люпа давал актерам задания, снимал на видеокамеру их этюды (всего около 360 часов съемки), чтобы совместно отбирать лучшее. «Иногда на этих отборах актеры начинали смущаться той степени интимности, которую они себе позволяли на закрытых репетициях, той степени распахнутости, с какой они выставляли напоказ самые скрытые импульсы, переживания, чувства».

ИСКАТЕЛЬ НОВЫХ ФОРМ ДО СИХ ПОР ЖИВ В ЕГО ДУШЕ, ХОТЯ МЕНЬШЕ ВСЕГО ЛЮПУ, МАСТЕРА МАСШТАБНЫХ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПОЛИФОНИЙ, ХОЧЕТСЯ НАЗЫВАТЬ ФОРМАЛИСТОМ. НЕДАРОМ, ПОСТАВИВ НА СЕДЬМОМ ДЕСЯТКЕ «ЧАЙКУ», ОН ОТКРЫТО ВСТАЛ НА ЗАЩИТУ КОСТИ ТРЕПЛЕВА.

роковые»), с фальшью, проникающей во все сферы жизни, с современными мифами и миражами. За свою «жизнь в искусстве» Люпа поставил немало романов – «Мечтателей» и «Этюды из «Человека без свойств» Роберта Музиля, «Братьев Карамазовых», «Мастера и Маргариту», «Лунатиков, Эш, или Анархию» Германа Броха и, наконец, «Кальверк» («Известняковый карьер») еще одного австрийского писателя Томаса Бернхарда – один из самых известных своих спектаклей. Герои «Кальверка» – писатель,

мечтающий написать исследование о человеческом слухе и убивающий свою парализованную жену, и... ход времени, перед лицом которого и убийца, и жертва оказываются одинаково бессильны. Творчество этого болезненного одиночки, ненавидящего любую фальшь и снижавшего репутацию очернителя и скандалиста в родной Австрии, пришлось Люпе по душе: после «Кальверка» режиссер поставил еще и его пьесы «Риттер, Дене, Фосс», «Иммануил Кант» и роман «Вычеркивание». С «Иммануила Канта» началось знакомство российской публики с творчеством Кристиана Люпы. Полубезумный и полуслепой философ, не покидавший родного Кенигсберга, путешествует в своем воображении по временам и континентам, впадает то в истерику, то в научный экстаз, ругает Маркса с Энгельсом, не сумевших его понять, и самого внимательного слушателя находит в лице... попугая, который, видимо, переживает философа, твердя и через годы загадочное слово «императив».

Жизнь, превращенная в бесконечную видеосъемку, и люди, как ее объекты.

Со временем Люпу все больше начинает интересоваться столкновение человека с миром (особенно в его «минуты роковые»).

Сегодня Кристиан Люпа разбирается с мифами нашего сознания в трилогии «Персоны», посвященной теософу, мистика, путешественнику, композитору Георгию Гурджиеву, религиозной мыслительнице Симоне Вайль, которая сократила свой рацион до уровня лагерной пайки из сочувствия к узникам концлагерей, и, наконец, Мэрилин Монро, ставшей для современников «важнее, чем Христос». Спектакль «Персона. Мэрилин», посвященный трем последним дням кинодивы, уже увидели зрители Польши и Санкт-Петербурга. А между тем театральный мир продолжает знакомиться и с другими мифологическими героями современности, увиденными глазами Люпы, – Энди Уорхолом из «Фабрики 2» и «Заратустрой».

«Фабрика 2» воссоздает среду, выразителем которой стал Энди Уорхол (Петр Скиба в роли полубесполого псевдохудожника с сумасшедшей славой). Жизнь, превращенная в бесконечную видеосъемку, люди, как ее объекты, подглядывание вместо откровения и ужасающая пустота эрзац-культуры предстают в спектакле Люпы с пугающей ясностью.

«Заратустра» посвящен молодости, зрелости и старости «сверхчеловека». Впервые мы видим Заратустру, молодого, тощего, с воспаленным взглядом (Себастьян Павляк), в толпе зевак, взирающих на площадного канатоходца. Заратустра говорит взахлеб про то, что человек – лишь канат над пропастью, натянутый между животным и сверхчеловеком, но люди не слышат его. Путь живого канатоходца и особенно его смертельное падение занимают их гораздо больше.

Зрелый Заратустра (Збигнев Калета) бродит по горам, встречается с королями, убийцей Бога, собственной тенью, актером. Самая яркая встреча – с последним Папой Римским. За спиной у седого понтифика, почти фотографически точно похожего на последнего святого этого мира, Иоанна Павла II, лежит скрюченное в банке с водой, облепленное пиявками человекообразное существо (антипод сверхчеловека) и рассуждает о том, что лучше дойти до конца в познании пиявок. Понтифик не ведает, что находится «за той стеной», где лежит его вечный донор. «Бог умер», – констатирует певец сверхчеловека Заратустра. «А я служил ему до последнего. Теперь я без Господина», – вздыхает понтифик.

Пожилой Заратустра (Кшиштоф Глобих) появился не из поэмы Ницше, а из биографической пьесы Айнара Шлефа. Здесь его зовут Фриц, он почти невменяем и находится на попечении сестры и матери. Однажды голодный Фриц окажется на улице рядом с очередью за бесплатным супом. И буквально остолбенеет от эффекта дежавю. Вот украдкой хлебает суп молодой Заратустра. А зрелый Заратустра уже устал стыдиться и ест торопливо и деловито. Вот разбрелись по углам его бывшие ученики – когда-то эти двое пошли за ним, уносящим разбившегося канатоходца. Вот корчится на земле избитая в кровь проститутка – когда-то она, кажется, любила его. Картина человеческих страданий ставит под сомнение и христианскую мораль жертвы, и бунт сверхчеловека против нее.

Как говорится в спектакле, Бог умер от сострадания. Такая же судьба постигнет и сверхчеловека. Сострадание – единственная религия, которая нам осталась, если мы успеем до нее дожить.

1 ноября 2010 года Кристиану Люпе вручена премия Фонда Станиславского за вклад в мировое искусство. Осенью 2011 года «Персону. Мэрилин» покажут в Москве.

TREPLYOV'S GREY-HAIRED DEFENDER

Olga Kaniskina

A WISE MAN WITH THE MENTALITY OF A HIPPIE, THE EDUCATION OF A PAINTER AND A FILM DIRECTOR, AND A THIRST FOR THE BREATH OF NOVELS AND EXISTENTIAL QUESTIONS ON STAGE. KRYSZTOF WARLIKOWSKI HAVE ALREADY BECOME CLASSICS IN THEIR OWN RIGHT. LUPA'S THOUGHTS – ON THE SORE SPOT TECHNIQUE (NOTHING DETERMINES A CHARACTER'S BEHAVIOR MORE THAN SOMETHING THAT CONSTANTLY BOTHERS HIM), ON A «SUSPENDED MAN» (ART IS INTERESTED IN THE FLUIDITY OF MAN'S INTERNAL STATE, NOT IN HIS MASKS), AS WELL AS NUMEROUS OTHERS – HAD THE GREATEST IMPACT ON HIS COLLEAGUES.

As a young man Lupa liked to write theater manifestos, like the manifesto of a suspended theatre or of a theatre of expansion. This habit of writing to stimulate thought process stayed with him for the rest of his life – that is how his books «Labyrinth», «Utopia and Its Inhabitants», «Utopia-2», «Spying», and «Journey to the Ungraspable» were born.

Deep down he is still someone who likes searching for new forms, even though it's hard to call Lupa, master of large-scale theatrical polyphonies, a formalist. Already in his sixties he staged «The Seagull» at the Alexandrinsky Theatre (in the 1896 version from the theatre archives), and openly defended Kostya Treplyov, whom Lupa decided to let live. The young artist, played with such reverence by Oleg Eremin, was «killed» or morally crippled well before his suicide (during the failure of his play). All of the subsequent developments, including his eventual success as a writer, are those of life after death.

Nina (Yulia Marchenko) was also gravely

Before her death, Marilyn Monroe was hidden in a studio from the Hollywood producers in order to be alone and to work on the role of Grushenka from «The Karamazov's Brothers». But she was devoid of the luxury of solitariness even in her last days.

«wounded», a seagull shot through the wings while in flight. But the waters of the «magic lake» – her personal experience, full of suffering – gave her something that no true artist can succeed without. «J'arrive a la ville» (I return to the city, where my past lives) – this song by the Canadian singer Lhasa is heard playing at the end instead of the final «Konstantin Gavrilovich has shot himself». And the city embraces Nina and Kostya.

Lupa's opinion that theatre is a unique opportunity for self-actualization and refinement of a human person and his thirst for the Poor Theatre brought him closer to Jerzy Grotowski. His interest in borderline

«Persona. Marilyn» dedicated to the three final days of the movie stars life.

states of the human existence led Lupa to the works of Przybyszewski, Wedekind, Andreyev, Wyspianski, Gombrowicz, and Witkiewicz. His production of «Seven Dreams in the Kingdom of Dream» based on Alfred Kubin's novel «The Other Side» became a peculiar epitome of his numerous excursions into the realm of the subconscious. More and more frequently it is the novel that becomes the ideal material for a director such as Lupa.

As time goes by, Lupa becomes increasingly fascinated not only by the subconscious and the inner world of man, but also by man's collision with the world (especially in «his fatal hour»), with falseness that permeates all areas of life, with modern myths and mirages. Throughout his «life in art» Lupa staged quite a few novels: Robert Musil's «The Dreamers» and «Sketches from Robert Musil's 'The Man Without Qualities'», «The Brothers Karamazov», «The Master and Margarita», «The Sleepwalkers, Esch, or Anarchy» by Hermann Broh, and, finally, one of his most famous productions – «Das Kalkwerk» («The Lime Works») by another Austrian writer Thomas Bernhard. The characters of «Das Kalkwerk» – the writer who dreams of creating a treatise on the subject of human hearing and who murders his paralyzed wife, and... the passage of time, in the face of which both the murderer and his victim end up equally powerless. Lupa took a liking to the work of this sickly loner, who hated all falseness and who gained the reputation for being a denigrator and a troublemaker in his native Austria. After «Das Kalkwerk», the director staged three more of his works: «Ritter, Dene, Foss», «Immanuel Kant» and the novel

«Persona. The trilogy» examines the myths of contemporary consciousness. The main heroes are George Gurdjieff, Simone Weil and Marilyn Monroe.

«The Extinction». The introduction of the Russian audience to the work of Krystian Lupa began with «Immanuel Kant». The half-mad, half-blind philosopher who never left his native Königsberg, Kant journeys in his own imagination across time and continents, going at times into hysterics and at times into a scientific ecstasy, railing at Marx and Engels, who failed to understand him, and finding the most attentive of listeners in a... parrot, who will probably outlive the philosopher, repeating even years later the mysterious word «imperative».

These days Krystian Lupa examines the myths of our consciousness in «Persona. The

Sandra Korzenyak, the fearless actress, plays the ruin of the woman who was embodiment of eternal femininity and was «more popular than Jesus Christ».

Trilogy», dedicated to theosophist, traveler and composer George Gurdjieff, religious thinker Simone Weil, who reduced her diet to the level of a prison camp ration out of sympathy for the prisoners of concentration camps, and, last but not least, to Marilyn Monroe, who became «more important than Christ himself» for her contemporaries. His production of «Persona. Marilyn» dedicated to the three final days of the movie star's life has already been seen by audiences in Poland

and Saint-Petersburg. And in the meantime the world of theatre continues to become acquainted with other mythological heroes of our time as seen by the eyes of Lupa – Andy Warhol in «Factory 2» and «Zarathustra».

«Factory 2» recreates the environment typified by Andy Warhol (Piotr Skiba plays the part of the semi-asexual pseudo-artist of insane fame). Life transformed into an endless video shoot, people – into its objects, with spying instead of revelations and terrifying emptiness of the ersatz-culture. All that appears in Lupa's show with frightening clarity.

«Zarathustra» is dedicated to the youth, the adulthood and the old age of the «Superman». For the first time we see Zarathustra as a young, skinny man with bloodshot eyes (Sebastian Pawlak), who stands in a crowd of onlookers, staring up at a tightrope-walker. Zarathustra talks effusively about the idea that man is nothing but a tightrope over the abyss, pulled between animal and Superman, but the others do not hear him. They are much more fascinated by the path of a real-life tightrope-walker and especially by his deadly fall.

Zarathustra the adult (Zbigniew Kaleta) roams the mountains, meets kings, the murderer of God, his own shadow, an actor. His most vivid meeting is with the Last Pope. In a jar of water behind the grey-haired pontiff – an almost photographically exact copy of John Paul II, the last holy man of this world – lies a humanoid creature (the antipode of the Superman), its body twisted and covered with leeches, and intellectualizes about how it is better to reach the end having the knowledge of leeches. The pontiff has no idea what lies «behind that wall» where his eternal donor lies. «God is dead,» – states Zarathustra, the singer of the Superman. «And I served Him until his last hour. Now I am without master,» sighs the pontiff.

THE IMAGE OF HUMAN SUFFERING CAST DOUBTS BOTH ON THE VICTIM'S CHRISTIAN MORALITY AND SUPERMAN'S REVOLT AGAINST IT.

He is still someone who likes searching for new forms, even though it's hard to call Lupa a formalist, because he is the master of large-scale theatrical polyphonies.

The old Zarathustra (Krzysztof Globisz) did not come from Nietzsche's poem, but from Einar Schleaf's biographical play. Here his name is Fritz. He is almost mentally incompetent and is cared for by his sister and mother. One day hungry Fritz will end up in the street next to the free soup line. And he will be practically rooted to the spot by a sense of déjà vu. Over here the young Zarathustra is furtively gulping down his soup. And there the adult Zarathustra, who has already grown tired of being ashamed, is eating in a hurried and businesslike manner. Over there his former students scattered about – some time ago these two followed him, as he carried off the fallen tightrope-walker. There a prostitute, beaten and bloody, is writhing on the ground – she loved him once, it seems. The image of human suffering cast doubts both on the victim's Christian morality and the Superman's revolt against it. As they say in the show, God died of compassion. The same fate will befall the Superman. Compassion is the only religion that we have left, if we manage to live long enough to find it.

On November 1 st, 2010, Krystian Lupa was awarded the Stanislavski Award for his contribution to the world art. In the fall of 2011 his production of «Persona. Marilyn» will be shown in Moscow.